

Александр Теренин

ВОИНА

· СВЯТЕЕ НЕТУ СЛОВА

Александр Васильевич Теренин

Война – святое нету слова

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24777835

Война – святое нету слова: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2011

ISBN 978-5-98604-282-4

Аннотация

Сущность человека, его умение самоорганизовываться, достичь поставленной цели наиболее явственно проявляются в экстремальных ситуациях. Испытанием на прочность была для всего нашего народа Великая Отечественная война. Но к отдельным людям война, кажется, предъявляла особые требования. Такими людьми были в годы лихолетья, в частности, попавшие в плен, воины особого мужества – летчики. О них – рассказывается в данной книге.

Содержание

Объединяющее начало	5
Встреча в пути	7
У обелиска	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Теренин

Война – святое нету слова

© Теренин А. В., 2011

Объединяющее начало

*«И не в мире одном, во что бы то ни стало,
спасение.»*

Ф. М. Достоевский

Книга, которую держит в руках читатель, – это книга воспоминаний ветеранов войны, близко знакомых автору, записавшему откровения – исповеди обоженных военным лихолетьем людей, прошедших и испепеляющее горнило грозных битв, и медные трубы славы.

Александр Теренин назвал эту книгу, на первый взгляд, вроде бы немного даже странно: «Война – святее нету слова». Война – жестокая, проклятая, ненавистная, – и вдруг... Одно упоминание о кровопролитном времени будоражит память, вздымает со дна души невероятную горечь и боль. «О война, что ты сделала, подлая» (Булат Окуджава). «Будь проклят, сорок первый год и вмерзшая в снега пехота» (Семен Гудзенко). «Война – жесточе нету слова» (Александр Твардовский) и т. д. и т. п.

Но заметим, описанные А. Терениным встречи с участниками войны, их рассказы о ней, состоялись спустя немалое время после происшедших событий. Безусловно, ценность личного воспоминания, знаменательность его в этом случае только возрастает. Но и, как мы убеждаемся сейчас, в на-

ше непростое время – нет в обществе, раздираемом всевозможными противоречиями, большего объединяющего начала, чем память о Великой Отечественной войне, память о невероятных утратах и величайшем духовном взлете народа, когда он, народ, по определению Верховного Главнокомандующего, продемонстрировал свои лучшие качества: ясный ум, стойкий характер и терпение.

«Война – святее нету слова» – это выражение принадлежит, как известно, легендарному поэту, создателю легендарной книги про бойца – Александру Твардовскому. А полностью определение, данное им всечеловеческой трагедии, (напомню) звучит так:

Война – жесточе нету слова.

Война – печальней нету слова.

Война – святее нету слова

В тоске и славе этих лет.

И на устах у нас иного

Еще не может быть и нет.

Встреча в пути

Плавню набирая скорость, фирменный поезд «Белоруссия» отошел от перрона. За окнами замелькали ярко освещенные праздничной иллюминацией улицы и проспекты ноябрьской Москвы. Юбилей уходил в историю.

В купе нас было трое. Справа от меня сидел офицер-де-

сантник. Переодевшись в спортивный костюм, он показался совсем молодым, по крайней мере, моложе тех лет, в которые офицер получает звание капитана. И только глаза, спокойствие и какая-то внутренняя сдержанность говорили о том, что у этого молодого офицера уже достаточно опыта. Напротив меня сидел пожилой, полноватый, с пышной шевелюрой красивых седоватых волос мужчина. На вид ему было около семидесяти.

Я не люблю молчание и, чтобы прервать его, задал седовласому попутчику первый, пришедший на ум вопрос:

– Как вам праздничная Москва?

– Красивая Москва, очень красивая. Я лет пятнадцать здесь уже не бывал и многое не узнал. А вы москвич?

– Почти, – ответил я, помешивая чай.

– А я вот с Витебщины. Пригласили в Москву на торжества. Вот съездил, посмотрел парад, демонстрацию. Будет что колхозникам рассказать. Я у себя колхозом руковожу.

– И, видимо, неплохо руководите – вон сколько наград получили, – кивнул я в сторону серого двубортного пиджака с орденскими планками, висевшего на крючке.

– Там и военные есть.

– Я заметил это, – ответил я, прихлебывая чай. – Там, по-моему, кроме орденов Отечественной войны и Красной Звезды, есть и медаль «Партизану Отечественной войны», если не ошибаюсь.

– Есть такая, – смутился мой попутчик.

Отхлебнув чая, он помолчал немного, потом продолжал:

– В молодости довелось мне в отряде Машерова воевать.

– Неужели? – мы с молодым офицером переглянулись.

– А вы, случайно, не военный? – вдруг задал он вопрос мне. – Только военные хорошо в колодочках разбираются. Если не секрет, к какому роду войск относитесь?

– К авиации, – ответил я, улыбнувшись.

– К авиации – это хорошо. Я с войны перед летчиками преклоняюсь. Дважды они меня от смерти спасали. А такое не забывается.

– Это интересно. Простите, а как вас величать?

– Петр Казимирович, – представился мой попутчик. – А вас?

Я назвал. Представился коротко и сосед справа: «Володя».

– Петр Казимирович! Расскажите, пожалуйста, о том, как вас авиация выручала? – попросил я. – Мне интересно.

Мой попутчик задумался, видимо, вспоминая далекие военные годы, затем, откашлявшись и сделав несколько глотков чая, начал свой рассказ.

– В сорок втором году в Белоруссии фрицы решили полностью разгромить партизанское движение и начали против нас массированное наступление. Нашему отряду, а командиром у нас был Петр Миронович Машеров, вместе с другими партизанскими отрядами пришлось уходить в Калининские места. И все же нас окружили. Ну ладно, если бы мы были

одни, а то ведь вместе с отрядами от фашистов уходили тысячи наших семей, с детьми. Страх смотреть было на их мытарства. Кончались патроны, продовольствие, и нам становилось все труднее сдерживать фашистов. Каждый день гибли люди, дети. Сердце кровью исходило. Наконец, наступил день, когда в нашем отряде на каждого партизана осталось по одной гранате и по четыре патрона, в том числе и на охотничьи ружья. Машеров вместе с комиссаром обошли всех партизан (а нас из 300 человек осталось в живых тогда человек 100-150), каждого подбодрили, но и не скрывали того, что этот бой может стать последним: или мы прорвемся и уведем за собой фашистов или придется погибнуть. А вечером, когда стемнело, произошло чудо.

На маленький, простреливаемый со всех сторон, пяточок прилетел наш самолет. Это не то, что праздник был для нас, это больше чем праздник. Я даже сейчас фамилию этого летчика помню – Жуков. Он привез патроны, гранаты, продовольствие и забрал часть раненных и детей. А ночью мы пробились.

Петр Казимирович немного помолчал, отхлебывая уже остывший чай, затем продолжал свой рассказ.

– А второй раз летчики спасли меня в сорок четвертом. Вы как военные люди знаете о Белорусской операции. И мы, партизаны, участвовали в ней. Слыхали о так называемой «рельсовой войне»?

– Конечно, слыхали, – ответил я за себя и Володю.

– Так вот, в один день на все железные дороги Белоруссии и Латвии вышли сотни подрывных групп. В составе одной из них был и я. Задание мы выполнили, взорвали мост на полойской дороге, а при отходе меня ранило. Ребята дотащили до базы и сразу к врачу, а тот – к командиру. В общем, если б не летчики, не жить мне, так потом в госпитале сказали.

– Петр Казимирович, – прервал я своего попутчика, – я часто бываю в Белоруссии, интересуюсь различной литературой, но рассказов о Машерове как руководителе партизанского отряда, не встречал...

– Да, мало о нем написано. Не из тех он был, кто любил хвалебную писанину о себе. А ведь он Героя Советского Союза в сорок четвертом получил за личный героизм и умелое руководство партизанским движением. А тогда Сталин себе не брал и другим такие звания просто так не давал. Не любил Петр Миронович рассказов о себе, может быть, потому и мало написано о нем. А жаль, хороший человек был, прямой, доступный. Но, я думаю, что сейчас, в период перестройки, и ему и другим, за ком забыли, что они сделали в годы войны, воздадут должное. Кстати, вот вы – авиатор, – обратился ко мне Петр Казимирович, – должны, наверное, знать фамилию нашего земляка-белоруса маршала Красовского.

– Конечно, знаю. Мне даже довелось учиться в учебном заведении, которое он возглавлял, – ответил я.

– А я вот, представьте себе, как-то заинтересовался, где он похоронен, и не мог найти.

Я рассказал моему попутчику все, что знал о С. А. Красовском, о том, что в Монино на его могиле установлен памятник и его именем названа улица и что летчики всех поколений чтут имя прославленного маршала. И мне было приятно видеть, с каким вниманием и волнением пожилой партизан слушал мой рассказ.

Уже давно минула полночь, а мы все разговаривали. И только Володя сидел молча, внимательно вслушиваясь в нашу беседу. И вдруг, когда наша беседа уже почти завершилась, молчаливый сосед, смущаясь, неожиданно произнес:

– И меня летчики спасли однажды.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился Петр Казимирович. – Расскажите-ка нам вашу историю.

Володя смутился еще больше, покашлял в кулак и начал свой рассказ.

– В Афганистане это было, в позапрошлом году. В горах, в одном из ущелий, попал я со своим взводом в засаду к душманам. Залегли, отбиваемся вкруговую, а душманов не уменьшается, а прибавляется. Минут через пятнадцать я понял, что без помощи нам не пробиться. К тому же душманы подтянули минометы. Посыпались мины, грохот в ущелье стоит адский. Кое-как доложил я по рации о засаде и получил приказ отходить, а с воздуха пообещали прикрыть авиацией. Я оценил обстановку, определил направление отхода и приказал своему заместителю пробиваться, а сам с пятью солдатами остался прикрывать. Вот тут нам совсем жарко

стало. Успевай только поворачиваться. Хорошо, помощь с воздуха быстро подоспела. Пришла пара вертолетов. Одного из них я сразу узнал. Мы его «братушка» называли.

Мне как десантнику приходилось часто и на самолетах и на вертолетах летать, но такого виртуоза я не видел. Да и экипаж у него был какой-то особенный. Ничего не боялись ребята. Вертолету хорошо действовать на равнине, а тут ущелье. Но «братушка» не оставил нас в беде. Полез в ущелье и давай раскачивать вертолет, как маятник, между скалами. Ну, а когда он огонь открыл со всех точек, душманы побежали. Правда, я этого уже не видел. Ребята потом рассказывали, как «братушка» меня и моих солдат почти из лап душманов выхватил. Так что я тоже летчикам жизнью обязан. Вот такая моя история.

...Ранним утром поезд подходил к Минску. Мы не спеша оделись и вышли в тамбур покурить. Курили молча и только в конце, погасив папиросу, Петр Казимирович, взяв Володю за плечи, с какой-то нежностью сказал: «Спасибо, сыну, что познакомился с тобой. Я вижу, что и третье поколение растет у нас достойное».

И тут я обратил внимание на орденские колодки молодого офицера: два ордена Красной Звезды и орден «За службу Родине...».

У обелиска

Письмо было из Курской области. Школьники-следопыты, с которыми генерал Сивалев познакомился два года назад, объезжая в составе группы летчиков-ветеранов места боев прославленного штурмового авиационного корпуса, писали, что неподалеку от их деревни при прокладке трассы

газопровода найдены отдельные части военного самолета и рядом с ними останки двух летчиков, павших в годы Великой Отечественной войны. По номеру, который сохранился на оплавившемся от огня ордене Красного Знамени, удалось установить фамилию и инициалы одного из членов экипажа. в наградном листе значилось – старший лейтенант Орлов. Кто был вторым – неизвестно. «Может быть, товарищ генерал, который рассказывал, что он тоже воевал в этих местах, поможет школьникам вписать имя героя на обелиске братской могилы».

Анатолий Петрович Сивалев дочитал письмо, написанное размашистым детским почерком, и вдруг почувствовал, как сердце остро защемило от жалости к тому, кто, пожертвовав собой, спас его в тот жаркий июльский день, и от сознания какой-то своей вины перед ним, своим командиром и другом, что он, Сивалев, не все сделал, чтобы изменить эту несправедливую и обидную для памяти друга запись – «пропал без вести».

Все эти годы он не верил в эти слова, хотя как человек военный понимал, что на фронте всякое бывает. И не раз он был свидетелем того, как вот эти, ничего не характеризующие слова писали в донесениях о тех, кто так просто пропасть не мог. Рано или поздно «весть» о них приходила. Надо было только уметь ждать. И нередко тем, кто пытался его убедить, что «прошло столько лет и уже ничего не изменится», он резко отвечал: «Как там, у Симонова?».

*Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.*

На него обижались. Но он никак не мог поверить в то, что его друг Николай Орлов, командир их штурмовика, не раз выходящий с честью из ситуаций, о которых и можно сказать – «дело труба», – «пропал без вести». Он, Сивалев, его стрелок – жив! А командир пропал?! Нет, здесь было что-то не то!

...В тот день они всем полком вылетели на штурмовку немецких аэродромов, уже зная о том, что на огромной дуге, названной «Курской», началось решающее сражение. К нему готовились долго, серьезно, потому что здесь решалось многое.

Их самолет подбили на обратном пути, километрах в тридцати от линии фронта. Упала скорость, «Ил» стало трясти, сносить в сторону. Из кабины стрелка Сивалев видел, что они отстают от общего строя, и понял, что им придется туго. А вскоре их догнали «мессеры». Заметив одинокий «Ил», они перестроились и парами справа и слева стали заходить в атаку. Короткими очередями Сивалев отгонял врагов от хвоста, не давая им возможности вести прицельный огонь. Одного, увлекшегося атакой, он сбил, другому успел «пощипать» плоскость, и тот отвалил в сторону, не ввязыва-

ьясь больше в бой. Но еще оставалась пара с какими-то причудливыми драконами, намалеванными на фюзеляжах. Видимо, это были асы, давшие возможность порезвиться молодым. Они-то и ранили его.

И тогда, и сейчас, вспоминая этот полет, он смутно помнит, что было дальше.

Обвиснув на турели, он то проваливался в беспамятство, то приходил в сознание от сильной боли в груди и в голове. Каждый вдох давался с трудом. Внутри что-то булькало и сипело. С трудом, открыв глаза, он медленно повел взглядом по полу кабины, пока не наткнулся на незнакомое и непонятное в проблесках сознания темное, постепенно увеличивающееся пятно. Он попытался разглядеть его, но какая-то пелена, застилавшая глаза, мешала ему сделать это. С усилием, подняв руку, он поднес ее к лицу, пытаясь протереть глаза, но острая боль вновь бросила его в беспамятство. Но мозг его жил, и каким-то подсознательным усилием, прорвав боль, он вновь вернул себе ощущение реальности. Не открывая глаз, он понял, что они еще летят, а заставивший закашляться едкий дым подсказал, что их самолет горит.

Пытаясь откашляться, он отчаянным усилием поднял налитую свинцом голову к разбитому фонарю кабины и, вздохнув, тут же от болевого шока вновь потерял сознание. Его вырвал из забытья громкий голос в наушниках: «Прыгай! Толя! Скорей, не успеем!»

Приказ командира вынудил его на новый отчаянный ры-

вок сознания, но этого усилия хватило только на то, чтобы ответить: «Я ранен. Не. мо. гу. Прыгай сам. Прощай, Коля!»

...Очнулся он через сутки. Еще не открыв глаза, по резким запахам йода, каких-то мазей и тихим стонам Сивалев понял, что он в госпитале. Попробовал повернуть голову, но тут же почувствовал, что сделать этого не может.

– Сестра, – тихо позвал он. – Сестра!

Дремавшая возле притушенной на ночь керосиновой лампы пожилая женщина быстро подошла к нему.

– Очнулся, соколик! Ну вот и хорошо. Сейчас я тебе лекарство дам, – ласково сказала она, поднося ему маленькую ложку.

– Мамаша, что со мной? – с трудом шевеля губами, спросил Сивалев.

– Ничего, ничего, соколик! Ранен ты сильно и уж больно много крови потерял. Лежи тихо. Врач сказал – тебе нельзя разговаривать.

– Я не буду. Скажите только, нет ли рядом Орлова. Он меня спас! Это мой командир.

– Да где же сейчас узнаешь! Ночь на дворе. Лежи тихо, утром спрошу.

Но ни на следующий день, ни через месяц Орлов не объявился.

...Шли годы, а все оставалось так же загадочно и неясно, куда пропал командир. Где он погиб?

И вот неожиданное письмо от школьников.

Прочитав его, Сивалев решил немедленно поехать туда. Это был его долг. Долг фронтового друга, обязанность человека поклониться праху того, с кем ты шел по трудным дорогам войны, с кем делил радости и печали. Приняв решение, Сивалев действовал быстро. Позвонив начальнику, так же, как и он, воевавшему на Курской дуге, и получив «добро», позвал жену.

– Маша! Собери чемоданчик и что-нибудь там на дорогу. Завтра утром едем в Курск.

Мария Ефимовна, хорошо знавшая характер мужа, не удивилась, только спросила:

– Нашли Колю?

– Нашли, Маша! Наконец-то нашли. Столько лет прошло! Ты поедешь со мной?

– Конечно, поеду! Ведь я его тоже хорошо знала. Сколько раз он тебя выручал, когда ты тайком убежал ко мне на свидание.

На следующий день к вечеру добрались до небольшой деревеньки, затерявшейся среди вольных просторов Черноземья. На ночь остановились у тех же хозяев, у которых ночевали однажды, возвращаясь из отпуска. Поставив свою «Волгу» во дворик, Анатолий Петрович прошел к реке.

Темнело. Стояла середина бабьего лета с ее удивительной тишиной, напоенной ароматом поздних цветов, запахом скошенных хлебов и свежей пахоты. Поредевшая и уже тронутая желтизной дубрава у реки медленно затягивалась ве-

черным туманом. Из-за ближних кустов вырвалась и быстро пронеслась стайка уток: фьить-фьить-фьить. «Чирки» – сразу определил Сивалев. Провожая их взглядом, невольно, по привычке определил, на сколько надо бы вынести ствол своего «зауэра». Подумал: «Охота, наверное, здесь будет хорошая». Он был заядлым охотником, но мысли об утках сразу отошли – не до них было сейчас. Вспомнил: «Эх, Коля, Коля... Что же с тобой произошло?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.